

Тетяна Вилкул

«ЛИТРЕДАКЦИЯ» ЛЕТОПИСИ
(О ВСТАВКАХ ИЗ АЛЕКСАНДРИИ
ХРОНОГРАФИЧЕСКОЙ
В КИЕВСКОМ СВОДЕ XII В.)

В древнерусских летописях достаточно часто встречаются рассказы, отмеченные так называемым эффектом присутствия. Т. е., фрагменты, сделанные в такой манере, как будто повествователь сам лично присутствовал при совершении события, или же узнал о нем от прямых свидетелей и очевидцев. Рассказы детализированные, насыщенные яркими эпизодами и подробностями. При ближайшем рассмотрении оказывается, что источники этих хорошо прописанных деталей – чисто литературные. И порой за образец взяты события, отделенные от древнерусского книжника более, чем тысячелетием.

Отношение летописцев к прямым заимствованиям из авторитетных источников или фрагментам, моделированным по ним, в последнее время исследовали на материале Библии¹. Еще один корпус текстов (который, правда, не был строго отделен в сознании книжников от библейских исторических книг) объединяет хронографические тексты. Здесь речь пойдет об использовании

¹ Одна из последних работ: Игорь Николаевич Данилевский, *Повесть временных лет*: Герменевтические основы изучения летописных текстов, Москва: Аспект-Пресс, 2004. Разумеется, вообще заимствованиям из Библии уделялось много внимания, в том числе в работах ведущих летописцев, напр., Алексея Александровича Шахматова, отметившего заимствования в *Повести временных лет*. Но восприятие библейских включений, методика работы книжников – новая тема.

киевским летописцем XII в. одного из них, *Александрии Хронографической*. Это древнеславянский перевод чрезвычайно интересного произведения, романа об Александре Македонском. В жанровом отношении он трудноопределим: своеобразная смесь биографии, воинской повести, сказания о чудесных странах с элементами поучения, и «романа в письмах». Вставки из романа появляются в Киевском своде XII в. (средняя часть Ипатьевской летописи), начиная с 1140-х гг., и продолжаются до конца свода. Трудно сказать пока с полной определенностью, как протекал процесс включения их в текст, но по предварительным наблюдениям, сделаны они в один прием одной рукой.

Больше всего буквальных заимствований из *Александрии* в статьях 1170-х гг. В сцене убийства Андрея Боголюбского под 1175 г. достаточно много фрагментов, совпадающих с текстом суздальского свода, сохранившегося в Лаврентьевской летописи (далее *Лавр*). Но в Ипатьевской (*Ипат*) повествование об убийстве князя Андрея гораздо более пространно. При некотором огрублении можно сказать, что оно втрое больше по объему, чем в суздальском своде. В киевском рассказе более всего распространены благочестивые рассуждения, но не только. Имеются и вполне светские дополнительные детали, в том числе дающие тот самый «эффект присутствия». Ср. текст обеих версий:

Лавр

И силоу о¹ломиша двѣри оу сѣнии
 . блжнии же вскочи . и хотѣ взяти
 мечъ . и не бѣ ту меча . бѣ бо выняль
 Ан²баль того дни ключни³ его . то бо
 мечъ бяше ста⁴ Бориса .

*Ипат*²

и силоу выломиша двѣри . блжнии
 же вьскочи . хотѣ взяти мечъ . и
 не бѣ ту меча . бѣ бо томъ дни
 вынялы³ . Амбаль ключникъ . его
 то бо мечъ башеть стго Бориса .

² Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. 1, Москва, 1997, стб. 369 (далее ссылки на *Лавр* по схеме: 369Л); т. 2, М., 1998, стб. 586–587 (ссылки на *Ипат* далее: 586–587И). Жирным шрифтом выделены общие для *Лавр* и *Ипат* фрагменты, подчеркнуты и обозначены буквами латинского алфавита те участки текста, которые имеют текстуальные параллели с *Александрией*. Списки, по которым даны разночтения: Ипатьевский – И, Хлебниковский – Х, Погодинский – П.

оканънии же всовашася
в ложницю вси .

сѣкше его саблями и мечи .

и вьскочиша а) два оканъная и
ястася с нимъ . и князь повѣрже
одиного подъ ся
б) и мнѣвше князя повѣржена .
с) и оуязвиша и свои другъ . и по
семь познавша . князя .
д) и бояху^с с нимъ велми . бѣшеть
бо силенъ .
и сѣкоша и мечи и саблями
е) и копиинныя язвы даша ему

Откуда взялись «двое окаянных» (фр. а), ведь в общем с *Лавр* тексте убийц было 20⁴? Откуда и «копийные язвы» (фр. е)? В общем для *Лавр* и *Ипат* фрагменте речь шла о «саблях и мечах». Казалось бы, подобные дополнения могли быть подсказаны только очевидцем. На самом деле впечатление обманчиво. Киевский сводчик отталкивается от сцены убийства персидского царя Дария в *Александрии*, где царя убивают как раз *двое* его «боляр» («боляре Дарьевы... оумыслиста погоубити Дария»), и подробно описываются моления жертвы, борьба, ранение копьем. Ср.:

Ипат, 587И

б) мнѣвше князя повѣржена...
д) и бояху^с с нимъ велми . бѣшеть^ъ
бо силенъ
е) и копиинныя язвы даша ему

Александрия (с. 68-69)⁵

оставите мя сице на быльи
повѣржена
съпроста бояхуся с нимъ, бѣ бо
силенъ
копиини⁶ же бяху سموу язвы

³ ХП выняль и.

⁴ Тексты *Ипат* и *Лавр* здесь совпадают, ср. 369Л–586И.

Лавр

а всѣхъ невѣрныхъ оубициъ .
числомъ 20 .

Ипат

а всихъ невѣрныхъ оубициъ
20 числомъ .

⁵ *Александрия* цитируется по: Василий Михайлович Истрин, *Александрия русских хронографов*: Исследование и текст, Москва, 1893 (пагинация в издании не сквозная, отсылки на стр. к: ч. 2: *Тексты: Александрия* 1-й редакции).

⁶ Так в нескольких списках, но в основном списке, по которому издана *Александрия* 1-й редакции, в Архивском Хронографе – ошибочно «копия».

Скорее всего, говоря о том, что убийцы «уязвили» своего же сообщника (с), книжник также отталкивался от *Александрии*, где «единъ» из двух Дариевых «боляр» держал Дария, дабы второй его «копиемъ не проболъ».

В статье предыдущего, 1174 г., также находим несколько заимствований из разных мест романа, и снова они вплетены в живое повествование о переговорах князей, их ссоре, подготовке похода и сражении под стенами города.

<i>Ипат</i>	<i>Александрия</i>
а) (572И, <i>Андрей Боголюбский</i>) надѣяся плотной силѣ	(с. 21, <i>противник Александра на олимпийских играх</i>) плотнѣи силѣ надѣяся...
б) (572И) ражѣгся гнѣвомъ; (574И) располѣвѣся гнѣвомъ	(с. 21) въсполевѣжеся гнѣвомъ
с) (573И, <i>Мстислав Ростиславич</i>) повелѣ Андрѣева посла емше постричи голову передъ собою . и бороду .	(с. 7, <i>египетский царь-волхв Нектонав</i>) постригъ главу и брадоу свою и преобразився во инъ образъ
д) (573И, <i>обращение Ростиславичей к Андрею</i>) аже еси съ сякими ⁷ рѣчьми прислалъ . не акы къ князю но акы къ подручнику и просту члвку	(с. 44, <i>речь Александра к послам Дария</i>) послалъ бо вы естѣ с тацѣми грамотами не акы црви, но акы къ начялникуо разбоинникомъ
е) (573И, <i>Андрей</i>) и възострися на рать . и бы ^с готовъ .	(с. 81) възострилъ ны еси на рать; (с. 82) възострися зѣло; (с. 57) готовъ бѣ на брань
ф) (574И, <i>приказ Андрея</i>) а Мьстислава емше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ .	(с. 46, <i>приказ Дария относительно Александра</i>) того оубо емше, приведете къ мнѣ, не створше тѣлоу его ничтоже зла
г) (574И) Андрѣи же князь толикъ оумникъ сыи во вси ^х дѣлѣхъ доблѣ сы погуби смыслъ свои	(с. 19) Александръ... яко оумникъ и бранникъ; (с. 82) оумникъ; (с. 94) оумникъ сыи; (с. 5) доблии мнится быти и храборъ Александръ... къ добромому дѣлу... въ дѣлѣхъ его вазнь и моужество; (с. 103) толика царя; (с. 68) погоубивше оумъ

h) (575И, *сражение у Вышгорода*)
и почаша ся стрѣляти . межи
собою гонячеся .

i) (576И) и бы^с мятежь великъ
и стонава . и кличь рамня... О⁷
множества праха не знати ни
конника ни пѣшцы⁸ .

(с. 49, *описание сражения*) и биюще
ся гоняху, ово на сю страну, ово
на оноу

(с. 49) великоу кличу бывшу въ
воих... не бѣяше же како познати...
ни пѣша, ни конника, въ велицѣ
прасѣ

Подобную же манеру использования цитат наблюдаем далее, под 1178 г., в описании героических подвигов Мстислава Ростиславича в его походе на чужд, и плача новгородских «мужей» по этому доблестному, но рано умершему князю (ср. 607–611 И и *Александрия*, с. 27, 28, 53, 64, 103, 105).

Не такая уж обширная сцена убийства Дария послужила материалом не только при составлении статьи 1175 г. об убийстве Андрея Боголюбского. Она использована также и в повести об убиении иного князя: Игоря Ольговича, под 1147 г. Давно отмечалось, что оба рассказа – о смерти Игоря и о смерти Андрея – имеют много общего⁹, в том числе наблюдается достаточно большое количество текстуальных параллелей. Соответственно, совпадают и источники заимствования: выдержки из борисоглебского цикла, *Повести временных лет*, некоторые библейские цитаты, и, в том числе, *Александрия*¹⁰.

⁷ ХП такими.

⁸ ХП ни конника ни пѣшца.

⁹ Николай Серебрянский, „Древнерусские княжеские жития“, in: *Чтения в Обществе истории и древностей Российских* (далее: ЧОИДР), 1915, ч. 3, с. 143; Gerkhard Podskalsky, „Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus“, in: *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 11, № 3/4, 1987, p. 284; Алексей Петрович Толочко, „Похвала или житие? Между текстологией и идеологией княжеских панегириков“, in: *Palaeoslavica*, vol. 7, Cambridge, Massachusetts, 1999, p. 26–38 (esp. p. 30).

¹⁰ Как и ранее, жирным шрифтом выделен текст, общий с *Лавр*, ср. 318Л. Параллели из *Александрии* отсутствуют на общих для *Лавр* и *Ипат* участках текста, в том числе и в данном случае.

Ипат

а) (349И) то же слышавше наро^а
о^ттолѣ поидоша на Игоря .
(351И) они же оустръмиша^с на
нѣ . яко звѣрьє сверпиии ... он же
ре^симѣ ... почто яко разбоиника
. хощете мя оубити .

б) (352И) **идоведеси Володимиръ**
воротъ . **мтре своея** . и тоу
начаша Игоря оубивати . **и**
оударisha Володимира быче
Игоря

с) Игорь же побиваемъ ре^свд^ако
в роуцѣ твои прѣдаю тебе дхѣ
мои .

д) (352И-353И) и ѣще живоу
соуцоу емоу ругающеся
црьскомо и сщеному тѣлоу ...
вѣдоуще яко мьстителъ естъ бѣ и
взищеть крови неповиннаго .

е) (353И) и покрывахоуть
. наготову телесе его своими
одежами .

Александрия

(с. 68) и тако ся съвѣщавша поидоста
на Дария съ оружьемъ, якоже оувидѣ
их Дарии оустрѣмившеся на нѣ съ
оружьемъ, и рече к нима Дарии: о
мои вдцѣ, бывше раби мои, что вы зло
сътворихъ, да мя хощете погоубити
(с. 69) они же, не послушавше
моления црва Дарьева, начаяша его
оубивати

(с. 70) и се рекѣ Дарии издѣше дхѣ
прѣда Александрови в роуцѣ

(с. 69) аще бо пришедъ Александръ
нынѣ, црь макидонский, обрящет
мя оубиена, црь цревом тѣломъ
мьстити имать... и въшедъ къ нему
Александръ, обрѣте его одва жива
(с.69) и хламидоу своею покрываше
тѣло Дарьево

Здесь параллели не столь точные и, соответственно, менее выразительные, чем в 1170-х гг. Правда, отчасти такое впечатление возникает потому, что они книжные и, кроме того, контаминированы с иными источниками (составитель повести об убиении Игоря произвел синтез цитат из *Александрии*, *Сказания о св. Борисе и Глебе*, *Евангелия* и некоторых других источников). Сопоставления станут более убедительными, если знать частоту встречаемости определенных выражений, а также и синтаксических конструкций в Киевском своде. Напр., составные глаголы от «убивати» или «губити» редки. Если они и встречаются, это «хотѣша убити», «не могу убити». В подобной конструкции (с «начати») еще раз попадается всего

лишь однажды, в Киевском своде под 1135 г.: «вы начали есте . перво нась гоубити»¹¹. Т.е., «начаша убивати» – не нормальный, во всяком случае, не обычный оборот. Столь же редко, даже просто уникально, иное дополнение *Инат*, о «царском теле»...

Далее параллели, в основном неточные, разбросаны по тексту Киевского свода. Очевидно, это заимствования по припоминанию или в пересказе. Помимо этого, имеется одно буквальное, достаточно обширное заимствование в статье 1197 г. Точнее, здесь представлен отрывок из статьи «Орахманех», присоединяемой к *Александрии*, ср. 705–706И – *Александрия*, с. 122–123.

Если судить о заимствованиях в целом, речь должна идти не только о текстуальной зависимости. Похоже, заимствовались и идеи, и общее построение рассказа. Так, на форму статей 1140–1150 и 1170-х гг. – со множеством писем, переговоров, речей, судя по всему, оказал влияние первый известный на Руси «роман в письмах». Ср. переговоры Дария с Александром, письма Дария и Александра к воеводам, друг к другу, к индийскому царю и амазонкам, Александра к матери и учителю Аристотелю, к дочери Дария Роксане – своей будущей жене... Встречается и такой сюжетный ход, как пересказ в письме того, о чем уже было рассказано в предыдущем повествовании¹². См. напр., в *Александрии* описание битвы с Дарием, а затем изложение тех же событий в письме Александра к матери. И аналог в Киевском своде: описание битвы Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями или Юрием Володимиричем (Долгоруким), и последующий пересказ в письмах к брату Ростиславу. Любопытно, что ни одним другим летописцем, в том числе даже составителем Галицко-Волынской летописи, где имеются прямые заимствования из *Александрии*, этот прием не был перенят. Пересказы уже однажды рассказан-

¹¹ 297И.

¹² Спорадически такой же прием используется и в *Хронике* Иоанна Малалы, но если там 1-2 таких письма, то в *Александрии* письма занимают едва ли не треть текста.

ного, да и вообще множество грамот, речей и переговоров появляются в *Ипать* начиная со 2-й пол. I и 40-х гг., т. е., собственно с того времени, когда четко прослеживаются следы заимствования из *Александрии*. Что касается идей, к примеру, в Киевском своде есть несколько фрагментов, где древнерусские князья названы царями. Этому предлагались различные объяснения, но весьма вероятно, что дело снова-таки в *Александрии*, где основными героями являются цари, а определенные речи и поступки этих царей «переадресованы» руским князьям.

Большинство прямых заимствований из романа сосредоточено в статьях, так или иначе касающихся одной княжеской ветви, Ростислава Мстиславича и его детей, Ростиславичей¹³. Т. е., по-видимому, включения следует датировать рубежом XII–XIII вв., когда для правившего в то время в Киеве Рюрика Ростиславича был составлен летописный свод.

В каком виде такой авторитетный образец, как *Александрия*, существовал в то время, когда составитель свода мог с ним ознакомиться? По наблюдениям Василия Михайловича Истрина, славянский перевод романа довольно древний, хотя ученый не решился его точно датировать. Кроме *Александрии*, о приключениях Александра Македонского в южных странах у брахманов повествовала также статья «О рахманех». Это отдельный греческий текст, и независимый перевод, сконтаминированы они были, как предполагал Истрин, уже в Древней Руси¹⁴. В XIII в. оба сочинения известны в составе так называемого Иудейского

¹³ Речь идет об общей тенденции, но достаточно устойчивой. Если говорится не о Ростиславе и его детях, то о властителях пострадавших (Игоре и Андрее, иногда затрагиваются и сюжеты с братом Игоря Святославом Ольговичем). Кроме того, в ранний период, когда Ростислав Мстиславич не играл еще самостоятельной роли (1140–1 пол. 1150-х гг.), его имя кругом присоединено к имени его старшего брата, Изяслава Мстиславича, и в таких дополнительных редактированных фрагментах часто встречаются вставки из *Александрии*.

¹⁴ Василий Михайлович Истрин, *Александрия*, с.121–122 (ч. 1: Исследование).

Хронографа. В связи с этим любопытно, что заимствования из *Александрии* в Киевском своде заканчиваются как раз книжной выдержкой из статьи «О рахманех». Выдержка помещена под 1197 г. в последней статье Киевского свода. Поскольку в *Ипат* за XII в. Никитой Александровичем Мещерским были найдены также и заимствования из *Истории иудейской войны* Иосифа Флавия, включенной в Хронограф¹⁵, вполне вероятно, что *Александрия* киевскому летописцу была известна уже не как самостоятельное произведение, а как часть Хронографа.

И последнее – манера заимствования из романа о «еллине» Александре, благочестивых, но тем не менее, нехристианских «нагомудрецах»-брахманах, и язычнике-персе Дарии затрагивает общий вопрос об отношении древнерусских книжников к каноничности текста. Составитель Киевского свода привлек речи брахмана в самом что ни на есть патетическом и серьезном моменте – описании благочестивой смерти одного из князей-Ростиславичей. Под 1147 г. им были объединены в одном синтетическом повествовании цитаты из романа и Евангелий. Речь шла о смерти князя, притом смерти мученической, приравниваемой с помощью литературных аналогий к убиению св. Бориса и Глеба (а в какой-то мере имитировавшей страсти Христа). В принципе, подобное отношение не должно удивлять, ведь хронографические произведения часто входили в сборники с первыми книгами Ветхого Завета и историческими библейскими книгами. Очевидно, в сознании человека того времени они также стояли в одном ряду с ними. В Галицко-Волынской летописи XIII в. слова Александра Македонского, вложенные в уста галицкого князя Данила Романовича, сопровождаются характерной ремаркой: «якоже в Писании глаголетъ»¹⁶. Все это, между

¹⁵ Никита Александрович Мещерский, *История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе*, Москва-Ленинград: Изд. АН СССР, 1958, с. 103.

¹⁶ 767И: «Данилови же рекшоу . яко же писание глѣть . мѣдѣи на бранѣ . страшнѣиу дѣиу имать» – *Александрия*, с.61: «яко црь, поздѣся на бранѣ, оуже явился естъ противнымъ, яко страшиву душоу имать на бранѣ».

прочим, означает, что хронографические цитаты привлекались не только как источник красивых изречений. Разумеется, в некоторых случаях мы имеем дело с использованием подходящего, по мнению книжника, литературного материала или с цепочками не контролируемых строго ассоциаций. Но и идейный компонент также наличествовал, хотя современному исследователю трудно четко разграничить, что относится к идейному содержанию, а что – к красивым словесам. Манера включения фрагментов образцовой, в определенном смысле, священной истории приводит к обманному эффекту присутствия, поскольку древние книжники не испытывали отчуждения от древней истории, происходившей как будто бы «здесь и сейчас».

Iteikta 2006 02 24
Priimta 2006 03 28

Tetjana Vilkul

METRAŠČIO „LITERATŪRINIS REDAGAVIMAS“
(APIE CHRONOGRAFINĖS ALEKSANDRIJOS
INTARPUS XII A. KIJEVO SĄVADE)

Santrauka

Senuosiuose rusų metraščiuose gana dažnai pasitaiko pasakojimų, keliančių stiprų autentiško liudijimo įspūdį. Tai pasakytina apie epizodus, papasakotus taip, tarytum pasakotojas būtų pats dalyvavęs aprašomuose įvykiuose arba apie juos sužinojęs iš tų įvykių liudininkų. Tokie pasakojimai būna detalūs, juose apstu ryškių epizodų ir gausu visokių smulkmenų. Geriau ištyrus paaiškėja, jog tų įtaigiai aprašytų detalių šaltiniai būna literatūros kūriniai. Kartais aprašinėjamiems dalykams perteikti netgi būdavo pasitelkiami įvykiai, kuriuos nuo senrusių autoriaus skirdavo didesnis nei tūkstančio metų laikotarpis.

Pastaraisiais metais mokslininkai daugiau tiria metraščių autorių santykį su pripažintais šaltiniais arba tų šaltinių pagrindu sumodeliuotais fragmentais, pasirėmę Biblijos medžiaga. Dar vieną tokių šaltinių korpusą (tiesa, jis senrusių autoriams neatrodė griežta riba atskirtas nuo istorinių Biblijos knygų) sudaro chronografiniai tekstai. Straipsnyje kalbama apie tai, kaip XII a. Kijevo metraštininkas panaudoja vieną iš tokių šaltinių, o būtent, *Chronografinę Aleksandriją*. Tai – vieno labai įdomaus kūrinio: romano apie Aleksandrą Makedonietį, vertimas į senąją slavų kalbą. Jo žanrą nėra lengva apibrėžti: jam būdingos ir biografijos, ir riterių romano, ir pasakojimo apie nepaprastus kraštus, ir netgi laiškų romano ypatybės. Tai štai, intarpų, kitokių sekimų iš *Aleksandrijos* XII a. Kijevo sąvade (tai vidurinioji Hipatijaus metraščio dalis) pasirodo pradedant 1140 metais; jie tęsiasi iki pat šito sąvado pabaigos. Šiame straipsnyje apžvelgiami ir aptariami minėtieji intarpai bei kitokie sekimai.

Tetyana Vilkul

LITERARY EDITION OF THE CHRONICLE
(INTERPOLATIONS FROM *ALEXANDRIA*
TO THE KIEV CHRONICLE OF THE 12TH CENTURY)

Summary

In the Old Russian chronicles, narratives producing quite a strong impression of authentic testimony are rather frequent. This is especially true of the narrative episodes told in a way as if the narrator himself had participated in the depicted events or had learned about them from the eyewitnesses directly. Such narratives tend to be rather detailed, abounding in vivid episodes and various minutiae. After further investigation, however, sources of such persuasive detailed descriptions appear to be literary compositions. Certain cases have been pointed out of events being used for description, separated from the Old Russian author by a period of over a thousand years.

Recently, scholars tend to investigate the relationship between authors of the chronicles with the acknowledged sources or fragments shaped upon their basis, considering Biblical material as well. Another corpus of such materials (true, it was hardly ever strictly separate from the historical books of the Bible in the eyes of the Old Russian authors) consists of chronographic texts. The article focuses on a case of the 12th century Kiev chronicler using such a source, namely, the *Chronographic Alexandria*, which is a translation of a very interesting work, i.e. a novel about the Alexander the Great, into the old Slavonic language. Genre of this work is difficult to define, as it combines features of biography, romance, travel account of the strange lands, and even epistolary novel. Thus, interpolations and other kinds of imitations from *Alexandria* in the Kiev chronicle of the 12th century, comprising the middle part of the Ipatiev chronicle, start appearing as early as 1140, and keep appearing up till the end of this monument of Medieval Russian literature. In this article, these interpolations and other imitations are surveyed and discussed.